

Е.Е. БУРОВА, Ш.Е. ДЖАМАНБАЛАЕВА

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ (опыт социологической реконструкции)

БУРОВА Елена Евгениевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (bee1958@bk.ru); ДЖАМАНБАЛАЕВА Шолпан Ерболовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель генерального директора по научной работе (dsholpan1971@gmail.com). Обе – Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Аннотация. В статье на основе данных государственной статистики, массовых и экспертных опросов анализируется специфика религиозной ситуации в современном Казахстане. Исследуются предпосылки, условия и факторы меняющихся статуса и функций религии в период «религиозного ренессанса», совпадающего с кризисом мировоззренческой идентичности. Определены контурные характеристики религиозной самоидентификации населения, зафиксированы предпочтения мировоззренческой нормативности (светской, религиозной, их конгломерата). Выявлена неоднозначность восприятия государственных идеологем в отношении религии в общественном дискурсе (массовом и специализированном). Установлена противоречивость восприятия и оценки положительных и негативных религиозных трансформаций в проекции на личность, общество, государство. Представлены амбивалентные экспертные оценки состояния и перспектив религиозного процесса. Интерпретируется область рисков утраты мировоззренческой идентичности и разбалансирования соотношения светского/религиозного.

Ключевые слова: Республика Казахстан • религиозная идентификация • тенденция исламизации • традиционная религия • светскость государства • социология религии

DOI: 10.31857/S013216250027368-7

Введение. Религия в годы суверенного развития Казахстана манифестируется как значимый институт в государственном, общественном и личностном измерениях, а религиозный фактор выступает не только существенным маркером культуры повседневности, а также фундируется в государственной политике. Проявление в общественном дискурсе понимания значения и роли религии указывает на их неоднозначность применительно и к сложившейся ситуации, и в отношении перспективного будущего. Условия сохраняющейся поликонфессиональности общества, с одной стороны, и объективные демографические тенденции к масштабированию моноэтничности – с другой, проблематизируют не только влияние исламизации, но смещают также демаркации традиционного и нового религиозного выбора, актуализируют представления о соотношении светского и религиозного вектора развития государственности.

Задача настоящей статьи – на основе данных массовых и экспертных опросов, посвященных изучению религиозной ситуации, сложившейся в современном Казахстане, раскрыть особенности религиозной самоидентификации и восприятия населением идеологем в отношении религии, а также очертить основные тренды, характеризующие религиозные изменения в казахстанском обществе.

Методы и инструментарий. Исследования современной религиозной ситуации интегрируют предмет изучения через синтез эмпирической интерпретации и теоретической реконструкции. Чтобы проявить религиозную ситуацию и построить ее объяснительную

модель, необходимо выбрать надежные инструменты социологической диагностики. Ее цель – «получение объективного и вместе с тем социально действенного знания о процессах и явлениях», основанного на аналитических конструктах, свободных от привнесенных идеологических оценок и влияний [Волков, 2015: 3]. При этом важно иметь в виду, что универсальные аналоговые модели из-за уникальности страновой специфики отсутствуют, и поэтому задача социологов религии – показать подлинное состояние религиозной жизни общества, тем более, что «социокультурные и политические трансформации последних десятилетий ставят ... дополнительные проблемы, соответствие которым требует ... большей гибкости и нетривиальных интерпретаций» [Смирнов, 2014: 141].

В статье использованы данные государственной статистики и результаты массовых и экспертных опросов 2013, 2018, 2020, 2021, 2022 гг. по инструментарию, разработанному исследовательской группой¹. В массовых опросах использовалась случайная многоступенчатая кластерная выборка, репрезентирующая региональные (областные), поселенческие, гендерные, возрастные и национальные характеристики генеральной совокупности ($N = 1500$ в 2013 г., $N = 1800$ в 2018 г., $N = 1800$ в 2020 г., $N = 1500$ в 2021 г., $N = 3000$ в 2022 г.²). Использовался метод личного стандартизированного интервью, CAPI. Ошибка выборки при 95%-ном доверительном интервале не превышает $\pm 2,5\%$.

Опросы экспертов проводились в 2020 г. (июнь), 2021 г. (август-сентябрь), в 2022 г. (август) методом стандартизированного интервью. Подбор экспертов осуществлялся в городах республиканского значения и в регионах в соответствии с требованиями репрезентации позиций трех когорт. Опрошены в 2020 г. 107, в 2021 г. – 30, в 2022 г. – 30 экспертов следующих категорий: 1) государственные служащие, имеющие отношение к анализу религиозной ситуации (представители Комитета по делам религий Министерства информации и общественного развития, руководители или ведущие специалисты отделов/управлений по взаимодействию с религиозными объединениями городов областного и республиканского значения); 2) светско-ориентированные представители интеллигенции: ученые, преподаватели вузов, журналисты, освещающие вопросы религии в СМИ; руководители НПО, лидеры общественного мнения; 3) конфессионально-ориентированные эксперты: руководители и представители религиозных объединений, как традиционных, так и новых: имамы, настоятели церквей, священнослужители, преподаватели религиозных учебных заведений, теологи.

Статистические данные религиозности населения (фиксировалась в переписях населения в 2009 и в 2021 гг.), а также сведения о состоянии религиозной картины (учитываются государственным уполномоченным органом – Агентством по делам религий в Министерстве информации и общественного развития Республики Казахстан) позволяют верифицировать результативность научных выводов.

Особенности религиозной самоидентификации и статус «религиозного человека». В мониторинге с 2013 г. выявлено, что от 57 до 82% жителей Казахстана (в зависимости от регионов) позиционируют себя верующими и от 73 до 85% сообщают о том, что в их семье есть верующие. Чаще респонденты декларируют и рассматривают конфессиональную принадлежность как элемент этнокультурной самоидентификации. Типология, уровень и динамика религиозности сходны у мужчин и женщин, у городских и сельских жителей. У сограждан из разных поколений, этнических групп, у людей с разными социальным, профессиональным статусом, уровнем доходов, а также проживающих в различных регионах они по тенденциям не совпадают.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос о самых важных самоидентификациях: «Кем вы считаете себя в первую, во вторую, в третью очередь?» Результаты, представленные

¹ Полевой этап и статистическая обработка данных выполнялись Институтом демократии (2013, 2022) и Центром бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований "BISAM Central Asia" (2018, 2020, 2021).

² Объем выборки зависел от размеров финансирования исследований.

Таблица 1

Субъективная значимость личных идентификационных статусов
(население в целом, в % к числу опрошенных)

Статус	Год проведения опроса			Тенденция изменений самоидентификации
	2013	2018	2021	
Член семьи	53,3	83,5	80,2	Существенно возрастает и стабилизируется
Казахстанец	60,7	73,1	73,5	Значительно возросла и стабильна
Представитель этноса	53,1	41,7	38,7	Проявляет незначительную тенденцию к снижению
Друг	16,0	26,3	27,4	Значительно возросла и проявляет тенденцию к устойчивости
Житель города/поселка	13,0	24,8	22,6	Значительно возросла и «пульсирует»
Представитель профессии	13,6	9,6	8,2	Демонстрирует тенденцию к снижению
Религиозный человек, представитель общины	13,0	6,4	7,0	Значительно снизилась и проявляет тенденцию к стабильности
Член коллектива (трудового/учебного)	10,9	10,3	5,5	Демонстрирует тенденцию к существенному ослаблению
Гражданин мира	10,2	12,6	17,7	Демонстрирует тенденцию к поступательному росту
Сосед	2,2	10,0	10,0	Существенно возросла и стабильна

в табл. 1 (в суммативном значении независимо от ранжирования их очередности), демонстрируют снижение доли людей, определяющих себя через статус религиозного человека.

Анализ ответов респондентов в разрезе их религиозной приверженности показывает, что статус «религиозный человек» как наиболее значимый для личности выбран во всех ранжированных по отношению к религии группах, включая атеистов (табл. 2).

В исследовании 2020 г. выявлено, что религиозная вера в структуре социальных институтов ценна для каждого десятого жителя. В этническом срезе респонденты-казахи

Таблица 2

Самооценка своего религиозного статуса
(по самоидентификации, в % от числа опрошенных, 2021 г.)

	Верующий, ведущий РОЖ	Верующий номинально	Верующий вне конфессии	Неверующий, участвующий в обрядности	Неверующий, уважающий верующих	Равнодушный к религии	Атеист
Казахстанец	73,8	77,6	76	75,8	82	67,2	52,7
Представитель своего этноса, нации	39,6	44,1	39,2	33,4	22	18,1	34,6
Член своей семьи	73,2	84,3	78,6	81,8	99	81,1	82,2
Представитель профессии	6,4	7,2	8,1	3	17	13,9	11,6
Член коллектива (учебного, трудового)	3,2	6,1	5,4	6	8	6,6	6,6
Религиозный человек	18,2	8,2	3,7	3	5	4,1	3,3
Друг	26,7	25,6	26,5	36,3	36	29,5	36,2
Сосед	12,8	9,6	7,7	12,1	21	17,2	8,2
Житель города, поселка	14,4	19,6	26,1	24,3	37	30,4	19,9
Гражданин мира	31,5	17,8	27,3	24,3	39	32	44,6

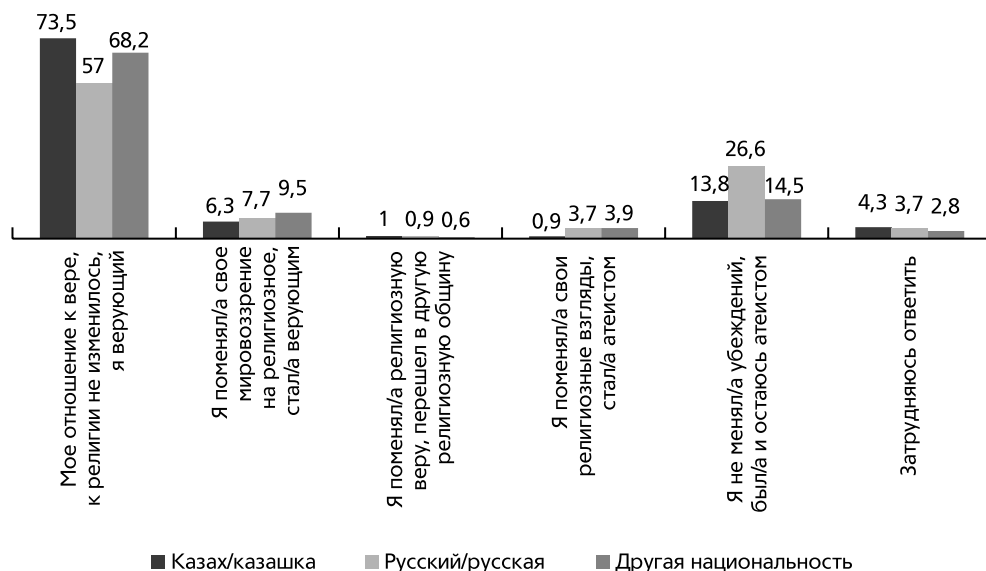

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как менялось ваше религиозное мировоззрение за последние 5 лет?» (этнический срез, в % от числа опрошенных, 2021 г.)

(11,3%) и представители других этносов (10,6%) выбирают приоритетность религиозной веры в разы чаще, чем русские (4%).

В ответе на вопрос «Как менялось ваше религиозное мировоззрение за последние 5 лет?» подтверждены: высокий уровень устойчивой номинальной религиозности (57–73,5% считают себя верующими), атеистической приверженности (13,8–26,6%), а также векторы религиозной конверсии, когда респонденты стали верующими (6,3–9,5%) или перешли из одной веры в другую (1%) (рис. 1).

Контурная модель религиозности демонстрирует, что к верующим, следующим религиозному образу жизни, интегрированным в деятельность общины или коммуникации с единоверцами, относят себя 13–20% респондентов (конфессионально-ориентированные верующие). Среди них только 6–8% строго выполняют религиозные предписания и ведут религиозный образ жизни. 60–65% являются номинально верующими (не вовлечены в религиозную жизнь, не участвуют в деятельности религиозных общин, не посещают культовые учреждения, не следуют канонам религиозного образа жизни, участвуют от случая к случаю в обрядовой религиозности). В зависимости от регионов от 6% до 26% идентифицируются как внеконфессиональные верующие (их жизнь не соотносена с общинным укладом, с вероучением, с определенной доктриной, с потребностью в духовном наставничестве). Среди неверующих наблюдаются четыре категории: а) придерживающиеся религиозных обрядов и традиций, б) уважающие верующих, в) равнодушные к религии и вере, г) негативно относящиеся к религии.

Религиозная нормативность: реальность и перспективы. В соответствии с мировоззренческой самоидентификацией респонденты соизмеряют нормативность поведения. В опросе 2021 г. 46,7% отметили, что руководствуются в жизни отчасти религиозными, но преимущественно – светскими нормами; 19,5% строят взаимоотношения, исходя исключительно из светского (не религиозного) миропонимания; 18,9% опираются в своем опыте только на религиозные нормы; 13,1% предпочитают светские нормы, так как в них есть не только ценностно-положительные регулятивы, но и антиценностные ориентации, без которых невозможно представить современную жизнь (в качестве антиценностных

изучались нечестность, ложь, обман, нетерпимость, неприятие других точек зрения, несправедливость, грубость, резкость, жестокость, насилие, фанатичность).

Религиозная самоидентификация фиксирует устойчивые тенденции, когда в составе населения преобладают номинальные верующие (не практикующие и не входящие в общины); в составе практикующих верующих доминирует молодёжь и поколение среднего возраста; растет численность исламской молодежи; снижается численность православной молодежи; растет численность внеконфессиональных верующих; растет число атеистов.

Выявлен спад религиозной вовлеченности (по параметру «верующий, состою в общине, следую религиозным предписаниям») с увеличением возраста респондентов. В исследовании 2020 г. среди 18–24-летних доля тех, кто состоит в религиозной общине и следует религиозным нормам, составляет 23,2%, среди 25–34-летних таковых 19,4%, среди 35–44-летних – 15,2%, а среди 45–54-летних – 11,7%. Высокий уровень атеистической приверженности фиксируется среди русских (26,6%) по сравнению с представителями других национальностей (14,5%) и казахами (13,8%).

Оценка проективного будущего детей в соизмеримости с религией показывает, что аксиологические установки в отношении значимости религии амбивалентны. Отвечая на вопрос о том, кем бы хотели в будущем видеть своих детей в связи с их отношением к религии, респонденты демонстрируют (по степени убывания значимости в интервале значений):

- преобладающую позицию равнодушия к религии как к социальному институту (66,4–77,3%);
- акцентированное отрицание перспективы атеистической убежденности детей (64–78,1%);
- одобряемую позицию уважительного отношения к религии и в то же время сохранения дистанционного неучастия в религиозной жизни с выбором позиций сторонних наблюдателей (51,5–77,1%);
- невовлеченность в религиозный образ жизни (49,4–58,5%);
- вовлеченность в религиозный образ жизни (28,2–32,9%);
- равнодушное отношение к религии (9,3–17,1%);
- атеистическую убежденность (7,2–13,3%) (рис. 2).

Восприятие идеологем в отношении религии. Многоконфессиональность общества сохраняется. 51,3% полагают, что религиозное разнообразие может способствовать

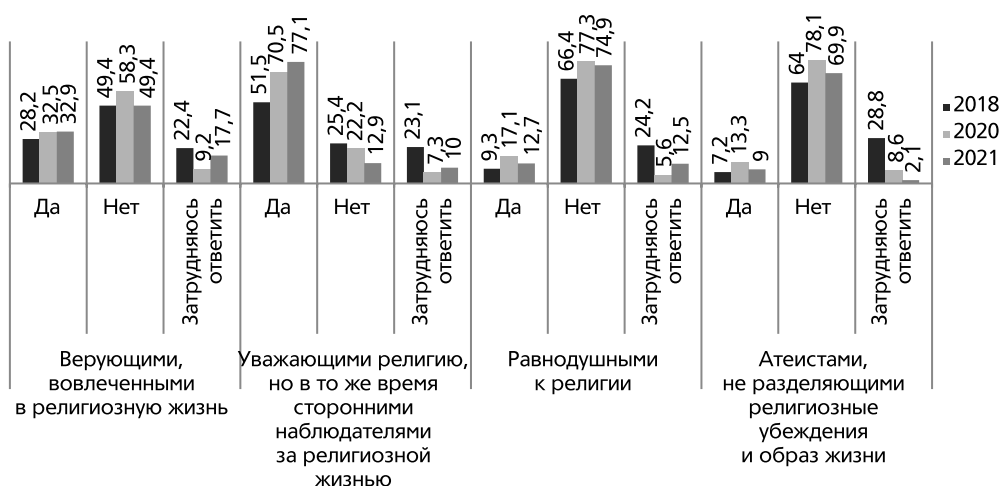

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы в будущем ваши дети были...» (в % от числа опрошенных)

единству казахстанского общества, в то время как 33,2% придерживаются противоположной точки зрения. Респонденты отвечали на вопрос о своих предпочтениях при выборе окружения по мировоззренческому критерию. Подавляющее число предпочитает многоконфессиональное окружение, 1/5 часть – среду единоверцев, до 9% не приемлют в своем окружении атеистов (рис. 3).

В поликонфессиональном обществе важно понимание и восприятие парадигм светского, многоконфессионального, а также, с учетом современных темпов исламизации, религиозного (исламского) государства. В исследовании 2020 г. выявлено, что большинство жителей воспринимают Казахстан многоконфессиональной страной (89,3%), с преобладанием верующих, представляющих две основные религии – ислам суннитского мазхаба и православие (72,8%).

Склонны относить Казахстан в силу демографических характеристик населения к странам исламского мира 64,1% жителей. Рост числа сторонников утверждения о том, что «Казахстан – многоконфессиональное государство» и «Казахстан – страна двух основных религий: ислама и православия» фиксируется с увеличением возраста, в то время как мнение, что «Казахстан можно отнести к странам исламского мира», разделяют больше представителей молодых и средних поколений.

Абсолютное большинство во всех возрастных группах желают жить в светском государстве с преобладанием исламской традиции (в интервалах значений от 74,5 до 82,1%). 25% респондентов в возрастных группах 18–44 лет и 20% в группах 45–54 лет считают, что Казахстан должен стать религиозным государством с регламентацией общественной и личной жизни религиозными нормами.

Утверждение о необходимости или желательности придерживаться традиционных для этносов Казахстана или акцентированно поддерживаемых государством традиционных религий для верующих (имеется в виду ислам ханафитского мазхаба и православное христианство) одобряется 72,8%, не одобряется 27,2% респондентов. Доля респондентов, не согласных с этим утверждением, составляет среди русских 31,9%, среди других этносов – 30,5% и среди казахов – 25,1%. Выявлена тенденция: чем младше респонденты, тем больше среди них оппонентов светскости государства (43,2% среди 18–24-летних по сравнению с 26,5% в когорте 55–65-летних). Чаще всего за то, чтобы Казахстан оставался светским государством, «голосуют» этнические русские (71,5%), а в поселенческом срезе – городские жители (63,9%). Иной позиции (в пользу религиозного статуса государства) придерживаются преимущественно казахи (42,3%) и жители сельской местности (42,4%).

Растет число разделяющих точку зрения, что «Казахстан в силу демографической ситуации можно отнести к странам исламского мира», и отмечен устойчивый рост сторонников превращения Казахстана в религиозное государство: 4,1% от числа опрошенных в 2000 г., 7,8% – в 2005 г., 13,6% – в 2014 г., 21,6% – в 2018 г., 22,2% – в 2020 г.

В массовом сознании утрачивает значение идеологема в отношении традиционно предписанной религиозной идентичности, растет либеральное понимание свободы мировоззренческого выбора. Перемену вероисповедания 71,1% жителей воспринимают как

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В каком окружении вы предпочитаете работать (учиться), проживать, проводить свободное время?» (в % от числа опрошенных, 2022 г.)

частное дело и право человека; 18,1% рассматривают как измену вере предков; 13,8% интерпретируют как проявление духовной слабости; 9,2% оценивают как результат активной миссионерской деятельности нетрадиционных религиозных объединений и направленных воздействий на религиозный выбор; 8,2% квалифицируют как упущение традиционных для Казахстана религий (ислама ханафитского мазхаба и православного христианства); 6,2% определяют как недоработку светской системы образования и воспитания; 6% рассматривают как средство изменить социальный статус; 5,9% обозначают как способ улучшить материальное положение.

Тренды религиозного процесса в оценках экспертов. На основе ранее реконструированных авторами данных о направлениях религиозных конверсий (в 2015, 2017, 2019 гг.) экспертам в опросе 2020 г. предлагалось оценить их масштабность и интенсивность. Каждый четвертый эксперт (25,8%) согласился с суждением, что «не практикующие верующие превращаются в практикующих». На то, что атеисты становятся верующими, указали 16,9% экспертов. Считают, что сограждане оказываются равнодушными к религии и формируют свое собственное представление о Боге, 12,4%, а также меняют свое вероисповедание 11,2%; переходят из традиционных религий в нетрадиционные религиозные течения 6,7%; из сторонников атеистов становятся адептами нетрадиционных религий 5,6% опрошенных экспертов.

Мотивации, условия, векторы, типы религиозных конверсий были предметом специального исследования [Религиозные конверсии..., 2017]. Конверсии становятся векторами религиозных преобразований, но ведущим и масштабным (в связи с изменением демографической ситуации) проявлен тренд исламизации.

В 2021 г. эксперты трех категорий (госслужащие, светски ориентированные, конфессионально ориентированные эксперты) оценивали тенденции процесса религиозизации, которые были эксплицированы нами в предыдущих исследованиях. Мнения всех категорий экспертов совпали в определении следующих приоритетных тенденций религиозных изменений как наиболее значимых: возрастает и традиционная, и нетрадиционная религиозность; интенсивность увеличения численности верующих в традиционных религиях такая же, как и в нетрадиционных религиях; молодежь все чаще обращается в нетрадиционные религии; динамично развивается сконструированная религиозность (эkleктичный синтез фрагментов разных вер, культов, традиций); номинальная религиозность стала элементом повседневной культуры масс и элиты.

В качестве значимой светски ориентированные эксперты назвали тенденцию, когда *«предписанная этнокультурная религиозность перестает быть алгоритмом для религиозного выбора»*. В то же время госслужащие и конфессионально ориентированные эксперты оценили ее как малозначимую. Большая часть и светски, и конфессионально ориентированных экспертов сочли значимой чертой религиозной ситуации то, что *«пик деятельности нетрадиционных религий пройден, население предпочитает традиционный религиозный выбор, совпадающий с этнокультурной идентичностью»*, в отличие от госслужащих, которые не считают, что нетрадиционные религии реализовали максимум возможностей для рекрутирования неофитов.

По взаимоисключающим суждениям: «религиозная ситуация остается динамичной, скрытой и непредсказуемой» и «религиозная ситуация стабилизировалась, проявляется очевидно, прогнозируема» совпадают позиции как светски ориентированных, так и конфессионально ориентированных экспертов, которые оценивают динамику как равнодействующую. Госслужащие больше склонны определять религиозную ситуацию как стабилизированную, прогнозируемую, очевидную.

На то, что миссионерская, прозелитистская работа осуществляется интенсивнее нетрадиционными религиозными объединениями по сравнению с традиционными, указали только светски ориентированные эксперты – ученые, преподаватели вузов, журналисты, освещающие вопросы религии в СМИ, руководители НПО, лидеры общественного мнения.

В экспертной среде обосновывается парадигма о необходимости равной удалённости государства как от традиционных, так и от нетрадиционных религий в соответствии с принципом светскости. Руководитель Комитета по делам религий официально озвучил позицию об отходе от демаркации понятий «традиционные религии» и «нетрадиционные религии», что сигнализирует о стремлении к изменениям концептуального подхода государственной политики. У экспертов нет консенсуса в оценке результативности влияния традиционных и новых религий на жизнь общества: 1) оценка позитивного влияния традиционных религий (73,4%) в два раза превышает оценку позитивного влияния новых религий (36,7%), 2) негативное влияние традиционных религий по сравнению с новыми оценивается в три раза ниже, 3) отсутствие эффективного влияния новых религий определяется в 2,5 раза меньше, чем традиционных.

В 2022 г. эксперты оценивали положительные и негативные последствия результатов религиозного процесса за годы независимости. Предлагаемые для оценки суждения были концептуализированы авторами в предыдущих исследованиях на основе глубинных интервью и фокус-групповых обсуждений [Светскость и религия..., 2020]. Зафиксированы амбивалентные (в равной степени положительные и отрицательные) экспертные оценки в отношении одних и тех же формализованных результатов религиозного процесса. Среди них: рост активности верующих казахстанцев; рост религиозности молодежи; улучшение нравственного самочувствия общества в процессе следования все большего числа казахстанцев религиозному образу жизни; религиозное разнообразие; появление семей, которые ведут преимущественно религиозный образ жизни; появление инфраструктуры, связанной с религиозностью (индустрия «халяль», религиозный туризм, трудовые коллективы, основанные на религиозной принадлежности); уступка государственных институтов религиозным в процессе формирования менталитета, ценностей; выполнение священнослужителями разных конфессий и деноминаций функций просветителей, психологов, идеологов; превращение религиозности в маркер культуры повседневности (одежда, символы религиозной принадлежности, молитвенные практики, религиозная обрядность, религиозный календарь и др.); становление Казахстана частью исламского мира. Большее сходство позиций и акцентированную обеспокоенность эксперты проявили в оценке тенденции утративания Казахстаном позиции светского и приближения к статусу религиозного государства (негативных оценок этого вектора в три раза больше, чем позитивных).

По вопросу масштабирования и инкорпорирования религиозного образа жизни мнения поляризованы длительно: одни эксперты считают, что уровень религиозности стабилизирован и соизмерим с уровнем стран со средней религиозностью, другие полагают, что религиозные процессы нарастают и могут привести к реальной угрозе утраты светскости государства при активизации направленного и заинтересованного внешнего воздействия в Центрально-Азиатском регионе³. Процесс развития религиозной ситуации с учетом изменений роли и места религии в Центрально-Азиатском регионе и в Казахстане в 2020 г. эксперты оценили как несинхронизированный, осложненный рисками стихийности, подверженный влиянию на вектор стабильности, но пока менее критичный для Казахстана, чем для Центрально-Азиатского региона: в связи с чем 56,7% опрошенных экспертов считают необходимостью реализацию специальной политики применительно к Центральной Азии и только 23,3% – к Казахстану.

Выводы. Парадигма религиозности как значимая идентификационная проекция прочно укоренилась в повседневных практиках и в менталитете казахстанцев. Стремительное изменение статуса института религии привело к формированию нового типа верующих, существенно трансформировало палитру и структуру религиозной ментальности. В исследованиях фиксируется мозаичность, парадоксальность, диффузность казахстанской религиозности. Формируются противоположные устремления – как к модернизации, так

³ Байдаров Е. Исламизация государств Центральной Азии: тенденции и перспективы (философско-политологический анализ) // 21 ВЕК. 2013. № 4 (29). С. 73–96.

и к архаизации в понимании роли религиозных институтов, статуса верующих, религиозного образа жизни семей, мировоззренческой социализации детей.

Государственная статистика и социологические измерения выявляют преобладание религиозной вовлеченности по исламскому лекалу в южных, западных регионах и в столице; высокий уровень скрываемой внеконфессиональной религиозности; доминирование религиозности в сельской местности; рост атеизации.

Экспертные мнения и интенции массового сознания в оценке состояния, функционирования и результативности религиозных изменений не отличаются аксиологическим сходством, проявляют амбивалентность позиций. Выявлена противоречивая тенденция, которая в равной степени интенсивности, с одной стороны, фиксирует отход от алгоритма религиозной идентификации в соответствии с предписанной этнокультурной традицией, ее утратность, рост масштабов либерального отношения к конверсии, а с другой – указывает на интерес и стремление обращаться к традиционным религиозным институтам.

Многоконфессиональность общества и светскость государства способствуют детрадиционализации. Религиозная ситуация проявляет себя как многофакторный и противоречивый процесс: сосуществуют разнонаправленные тенденции секуляризации и клерикализации, которые сопрягаются с противоположными устремлениями к модернизации и архаизации. В общественном сознании артикулируются позиции восприятия государственных идеологов в отношении религии, которые проявляют поляризацию мнений среди населения, у экспертов. В обществе сохраняется мировоззренческий консенсус, но формируются риски разбалансирования соотношения светского и религиозного. Растет число сторонников религиозной государственности.

И внутренние факторы, и глобализационные воздействия на состояние и динамику религиозной ситуации создают предпосылки для переосмысления феномена религии, ее функций и значимости для государства, общества, личности. Становятся актуальными перереформатирование стратегемы в отношении религии в светском государстве, определение статуса религиозных институтов в структуре многоконфессионального общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Ю.Г. Социологический диагноз как аналитический конструкт // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 4–11.
- Религиозные конверсии в постсекулярном обществе (опыт феноменологической реконструкции) / Под ред. А.Х. Бижанова. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2017.
- Светскость и религия в современном Казахстане: модернизация духовно-культурных смыслов и стратегий / Под ред. А.Х. Бижанова Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020.
- Смирнов М.Ю. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 136–142.

Статья поступила: 25.04.23. Финальная версия: 20.06.23. Принята к публикации: 03.07.23.

RELIGIOUS SITUATION IN MODERN KAZAKHSTAN (a sociological reconstruction)

BUROVA E.E.*, JAMANBALAYEVA Sh.E.*

**Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Kazakhstan*

Elena E. BUROVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher (bee1958@bk.ru); Sholpan E. JAMANBALAYEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Chief Researcher, Deputy Director General for Scientific Work (dsholpan1971@gmail.com). Both – Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the financing of the Committee of Science of the CS MSHE RK – grant AR09259797.

Abstract. The purpose of the study is to reconstruct current religious situation in Kazakhstan as a secular state. Goals were formulated as follows: to reveal specifics of the religious situation; to present the religious self-identification of the population; to show the spectrum of the value perception of religion in public discourse; to outline main trends of religious changes; to discover the lines of “fault” in understanding the possibilities and prospects of secularism and religiosity; to comprehend the relevance and practical application in the research of the religious process. The religious process is assessed as multifactorial and contradictory. Based on sociological studies of public opinion and expert assessments, the authors presented a paradigm of perception of religion, analyzed its functions and capabilities in a multicultural and multi-confessional society. The religious situation in Kazakhstan is analyzed on the basis of state statistics, mass and expert surveys. Practical recommendations are given for improving government approaches in cooperation with religious institutions.

Keywords: Republic of Kazakhstan, religious identification, religious process, trend of Islamization, traditional religion, secularism of the state, sociology of religion.

REFERENCES

- Religious conversions in a post-secular society (the experience of a phenomenological reconstruction).* (2017) Ed. by A.Kh. Bizhanov. Almaty: IFPR KN MON RK. (In Russ.)
- Secularism and Religion in Modern Kazakhstan: Modernization of Spiritual and Cultural Meanings and Strategies.* (2020) Ed. by A.Kh. Bizhanov. Almaty: IFPR KN MON RK. (In Russ.)
- Smirnov M.Yu. (2014) Religious Sociology and Sociology of Religion: Correlation and Relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 136–142. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2015) Sociological diagnosis as an analytical construct. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 4–11. (In Russ.)

Received: 25.04.23. Final version: 20.06.23. Accepted: 03.07.23.